

ТАНЯ ТРОТТЕР

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болтливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ
ТАНЯ ТРОТТЕР
и ЛОЖОН АФРОДИТЫ

Москва
2026

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Художник и дизайнер *Инна Гроттер*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 **Таня Гроттер и локон Афродиты / Дмитрий Емец.** —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-170869-6

Давным-давно богиня любви Афродита подарила возлюбленному локон своих золотых волос. Долго странствовал он по свету, и никто бы даже не ответил на вопрос: чего больше принес артефакт миру — радости или горя... И вот локон таинственным образом попадает к Тане Гроттер. А в ее жизни событий и так хоть отбавляй: подходит к концу учеба в Тибидохсе, на носу выпускные экзамены! Однако и время, отведённое Тане артефактом, заканчивается, пора определиться, кому она отдаст своё сердце. Ваньке Валякину? Гурю Пупперу? Или Глебу Бейбарсову...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170869-6 © Емец Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Разум — застывший тонкий лёд на океане безумия. Чтобы не провалиться, нужно один раз взять себя в руки и уже не отпустить никогда.

Шар с воздухом поднимается наверх, а камень падает вниз.

Сложно представить, что Бог кого-то наказывает.

Легче предположить, что существуют законы духовного мира, столь же непреложные, как законы мира физического.

Из несуществующего
философского трактата

Глава 1

ЯЩИК ДЛЯ ТЕЛЕПОРТАЦИИ АРТЕФАКТОВ

Июнь подходил к концу. Это было не слишком изобретательно, но ничего более оригинального, кроме как подходить к концу, июнь всё равно придумать не мог. Его фантазия ограничивалась исключительно его возможностями. Правда, существовало одно «но». Последнее числа истекающего месяца обещали запомниться надолго. Начиная с двадцать второго в расписании стояло сразу шесть экзаменов: *ветеринарная магия, основы белой (у части курса — чёрной) магии, теоретическая магия, практика сглаза, нежитиеведение и история магии.*

Экзамены были введены по личному распоряжению Сарданапала. Академик посчитал, что выпускник Тибидохса не может ограничиться одним тестом Теофедулия.

Преподаватели не собирались никому делать послаблений. Будто и не они недавно вернулись из небытия после истории с колодцем Посейдона. Каждый выражал своё отношение в собственной манере. Великая Зуби посмеивалась и куталась в плед. Она имела свойство мёрзнуть даже летом. Тарарах пожимал плечами и бурчал, что как ни крути, а магических зверей лечить надо. «Ежели не то ему, миляге, дашь, так он и не туда копыта откинет», — заканчивал он сурово, что доказывало его решимость серьёзно подойти к экзамену.

Медузия же вообще воздерживалась от каких-либо прогнозов, лишь уронила вскользь, что её экзамен сдадут все. «Все, кто выживет», — уточнила она после всеобщего облегчённого вздоха. Затем она вручила Готфриду Бульонскому таинственный чёрный чемодан, окованный снаружи стальными полосами с рунами, и отправила его в таинственную командировку. Готфрид вернулся через два дня поздно вечером. Его случайно видел Кузя Тузиков, потом утверждавший, что Бульонский был белый как бумага, шатался и прижимал к груди чемодан. Стальные полосы чемодана, по словам Тузикова, были вогнуты внутрь, и вообще чемодан выглядел так, будто на нём посидели Дубыня, Усыня и Горыня. Вначале по очереди, а затем и все вместе.

Впечатлённый Тузиков примчался в гостиную, давно уже ставшую общей, ибо невозможно всерьёз сидеть по разным углам на том только основании, что у кого-то искры красные, а у кого-то зелёные, и мигом выложил всё, что видел.

— Если в чемодане то, что я думаю, то я не думаю, что Медузия хорошо подумала, когда думала, как её разнообразить наш последний экзамен. Вот как думается мне! — авторитетно заметил Шурасик.

— Почему последний? Последний же история магии? — удивился Жора Жикин.

— Говоря «последний», я имел в виду последний в твоей жизни. Я-то уж как-нибудь сдам, — уточнил Шурасик и утешающе похлопал тибидохского красавчика по посеревшей щёчке.

— Мёртвые, живые — какая разница! От моего экзамена ничто не освобождает! Я вас и на том свете достану, хе-хе! — дружелюбно позванивая кандалами, предупредил Безглазый Ужас. Он выглянул из стены, подобрал скатившуюся с плеч голову, закапал ковёр кровью и удалился, как весны моей золотые дни.

— Свинтусы неблагодарные эти преподы! Нет чтоб экзамены вообще отменить! И зачем я их спасала, этих гадов? Зачем старалась, зачем мы с Ванечкой нервы себе портили? А?! Ну что молчите, трусили? Сказать нечего? — с надрывом произнесла Лиза Зализина.

В воздухе неуловимо распространились флюиды тётушки истерики. Огонь в печи позеленел от досады, зачадил и погас.

— Лизон! Недооценённая ты наша! Держи себя в руках! Отойди в уголок и мучайся в тряпочку! — отрезала Склепова.

На другой день за обедом в Зале Двух Стихий развоевался Поклёп:

— И правильно! Выпускник Тибидохса — это не висельник какой-нибудь! Это звучит гордо! Тибидохс всегда Тибидохсом был и всегда им останется. Сейчас школ магии развелось столько, что хмырями не закидаешь! На Лысой Горе как дождик пройдёт — один-два новых магверситета вырастает. Была столовка для мертвяков — хлоп! — высшая школа магнеджмента! Был сарай, где три ведуна от мухоморов глюки ловили, — магверситет народной медицины! — рассуждал он.

Затем потёр ручки и громко, но ни к кому не обращаясь, добавил:

— Тест-то ещё туда-сюда, исхитриться можно... Тьфу, листик бумажки! А вот посмотрим, какие вы будете умные, когда личиком к личику, фэйсик, так сказать, к фэйсику... Да без билетов! То есть билет-то будет, конечно, но после пары фразочек отвечающего прерывают и начинается произвольная дружелюбная беседа по материалам всего курса! Это знаешь? Умничка. А это? А это? О, сбиваемся? Попрошу осветить эту тему подробнее! Носик к носику, рожица к рожице, глазки в глазки!

Это «глазки в глазки» он произнёс с таким предвкушением, так вкрадчиво, что всем стало не по себе, а Верка Попугаева упала в обморок. Правда, быстро

очнулась и даже успела подслушать парочку разговоров, не имевших к ней никакого отношения. Впрочем, такая уж была врождённая магия Попугаевой. Ни стены, ни расстояние не были для неё преградой. Разве что заклинания да особые защитные руны способны были немного ограничить её здоровую любознательность.

Из-за кошмарных экзаменов и необходимости готовиться к ним дни стали такими бесконечными, что подозрительный Шурасик даже бегал по школе с особым амулетом и проверял, не использовал ли кто из преподавов заклинание растяжения времени. Амулет ничего не зафиксировал, однако подозрения Шурасика окончательно не рассеялись.

В эти же дни Шурасик ухитрился поссориться с Ленкой Свеколт из-за формулы суммарного выражения чёрной магии, которую Свеколт, по его мнению, выводила неправильно, делая ошибку в девяносто втором по счёту неизвестном. Со всяким другим человеком поссориться по такому туманному поводу, конечно же, невозможно, однако Ленка Свеколт была из того же теста, что и Шурасик. Они расплевались, по ходу дела испепелив случившийся поблизости стул.

Именно поэтому настроение у Шурасика было скверное. У него всё валялось из рук, и он то и дело ворчал:

— Женщина — это пародия на мужчину. Крайне неудачная. Изделие из ребра, глупое как пробка!

— Шурасик, утихни! — сказала Катя Лоткова, случайно оказавшаяся рядом.

— Лоткова! Объясняю тебе предельно просто и даже с понятными девушкам примерами. Женщина не обладает достаточным объёмом мозга для принятия жизненно важных решений. Телеграфирую губами: не об-ла-да-ет. Поэтому она должна не лезть в высшую магию формул, а тихо варить бульончик из трав, помешивая его ложкой! А теперь иди и обдумай то, что я тебе сказал! — сердито ответил Шурасик.

Катя хмыкнула. На Шурасиков не обижаются. Шурасики существуют в собственном мире, который связан с остальным миром разве что крошечным окошком в кирпичной стене.

— Шурасик, кажется, ты только что связал веник и этим очень огорчил свою фирму, — сказала Катя и ушла.

— Свеколт и Шурасик поругались? Ну-ну. Я всегда был уверен, что разные люди могут уживаться, а одинаковые нет. Вот вам живое подтверждение. Правда, они всё равно помирятся, хотя бы для того, чтобы разругаться вконец, — заметил по этому поводу Баб-Ягун.

* * *

Поздно вечером Таня возвращалась из читального зала, где вместе с Баб-Ягуном готовилась к ветеринарной магии. Ванька, сидевший за соседним столом с учебником по снятию слеза, лишь посмеивался и жевал соломинку. Сегодня с утра он лично помог питекантропу отловить в лесу три десятка гарпий, которых надо было вылечить от ожирения и сварливо-

сти. В заключение же обязательной программы, что было совсем не безопасно, экзаменующимся предстояло подстричь гарпиям когти.

Поднимаясь по лестнице Большой Башни, Таня услышала снаружи какой-то шум и выглянула в ближайшую бойницу.

На мощёном дворе она увидела Склепову, или, как Таня называла её в последнее время, Склепшу. Склепова учила Горыню и Дубыню азбуке глухонемых. Усыня, самый тупой из троих, вообще ни во что не врубался. Он сидел рядом на земле, кусал ус и завидовал более сообразительным братьям. Потом встал, взял дубинку и молча врезал Дубыне по лбу. Дубыня не остался в долгу, и дело завершилось грандиозной потасовкой, в которой кроме богатырей пострадала и одна из небольших башенок Тибидохса.

Склепова, предусмотрительно отбежавшая на полсотни метров, терпеливо стояла и ждала, пока Усыня, Горыня и Дубыня утихомятятся, чтобы продолжить обучение. Согласно замыслу Гробыни, богатыри во время экзамена должны были стоять на ближайшем холме и подсказывать ей, используя азбуку глухонемых. Великанам же в свою очередь должен был суфлировать одолженный у Грызианы Припятской на недельку гном-переводчик. Этого гнома Гробыня переименовала вначале в Полиглота, затем в Полиноса, потом и это ей не понравилось, и она называла его не иначе как Полироль Политурович.

Великаний телеграф как способ подсказки был, разумеется, крайне ненадёжен. Склепова надеялась

на него больше как на отвлекающий манёвр. Неуклюжие богатыри наверняка наступят на Полироль Политурьча, а затем подерутся, споря, кто это сделал. Зато, пока преподы будут их успокаивать, можно ухитриться сунуть за щёку жвачку, а предварительно на жвачке нацарапать руну красноречия.

Отойдя от бойницы, Таня продолжала подниматься. Неожиданно из сумрака ниши навстречу ей кто-то шагнул и замер у неё на пути. Таня отшатнулась.

— Татиана, а Татиана! Можно тебя на минуту? — спросил кто-то.

Таня узнала Шурасика. Ей стало досадно, что она испугалась.

— Всего на минуту? А ты успеешь? — машинально переспросила она и тотчас прикусила язычок. Блин! Это ж надо так огробыниться! С кем поведёшься, от того и блох нахватаешься.

Глаза под очками-лупами укоризненно моргнули. «Вот уж деловая колбаса, которой пришла пора колбаситься!» — подумала Таня с раздражением.

— Дай мне взглянуть на твой перстень! — потребовал Шурасик.

— Зачем? Он слушается только меня. Ты всё равно не сможешь извлечь из него магию.

— Я и не собираюсь.

Пожав плечами, Таня с некоторым усилием скрутила с пальца перстень и протянула его Шурасику.

Шурасик молча взял перстень Феофила Гроттера, повернулся к Тане спиной и куда-то решительно пошёл. Таня удивлённо побежала следом, ощущая себя

не то бобиком, которому надо бежать за хозяином, не то автомобилистом, у которого гаишник отнял права и теперь невесть зачем идёт с ними на середину перекрёстка. Без перстня она была абсолютно беззащитна. Даже «Искрисом фронтисом» не смогла бы запустить, если бы потребовалось.

Как оказалось, Шурасик направлялся к бойнице. Подойдя к ней, он зачем-то посмотрел сквозь перстень на луну.

— Ага... Лунный диск меняет цвет... Так я и думал... Вопросов больше не имею, — пробурчал он и вернул перстень Тане.

— В чём дело? При чём тут луна? — с беспокойством спросила Таня.

Шурасик ничего не ответил. Он таинственно порылся в кармане, что-то извлёк из него и показал Тане. Блеснуло серебро.

— Знаешь, что это такое?

— Чайная ложка? — спросила Таня с некоторым сомнением. Слишком уж очевиден был ответ.

Шурасик посмотрел на Таню взглядом практикующего психиатра, которому пациент сообщил, что по носу у него маршируют зелёные слоники.

— Формально говоря, да. Это действительно чайная ложка. Не удивлюсь, если кто-то когда-то даже пытался размешивать ею сахар. Не к ночи его помянуть, а ко дню!

— И что же это такое?

— Да так, артефактик один простенький из коллекции профессора Клоппа... Отлит чёрным магом